

Раз уж заказчик уже связался с Павильоном Ушоу через Нью Лэя, цели и имена были известны, зачем было указывать их на надгробиях? Даже если нужно было сообщить заказчику о результате, зачем так тщательно вырезать имена? Можно было просто поставить метку или сделать другой знак. Вырезать имена — это лишь оставлять улики, что казалось совершенно нелогичным.

Нью Лэй ответил:

— Это была моя инициатива.

Он не сразу объяснил свои действия, а лишь уставился в пустоту, и только спустя время заговорил:

— Отец говорил мне, что после смерти ничего не остаётся. Надгробия делают не для мёртвых, а для живых. Когда умерла моя мать, я сам вырезал её имя.

Нью Лэй говорил бессвязно, но не касался истинной причины. Возможно, даже он сам не понимал, какое неясное чувство заставляло его настаивать на том, чтобы оставить последний след для тех, чьи жизни были куплены.

А Цзю слегка удивился и спокойно сказал:

— Ты помнишь свою мать, поэтому решил оставить память и для других, кто, возможно, будет помнить умерших?

Нью Лэй, с одной стороны, помогал убивать, а с другой — оставлял следы для тех, кто мог бы помнить жертв. Была ли это лицемерная доброта? Или человеческая душа просто слишком сложна?

А Цзю с непроницаемым лицом смотрел на умирающего, не зная, что чувствовать.

— Значит, Фу Ибо заказал у тебя надгробие, ты вырезал имена тех, кого он хотел убить, и даже иероглиф «жена» на надгробии был твоей инициативой?

А Цзю подумал, что чуть не посчитал Фу Ибо полным глупцом, который не только нанимал убийц, но и оставлял на надгробии имена жертв и их связь с заказчиком. Иероглиф «жена» на надгробии явно указывал на то, что убийцей Чжао Чжэньей был её муж Фу Ибо.

Нью Лэй с недоумением покачал головой:

— Нет, это было указание посланника Павильона Ушоу.

А Цзю оживился и поспешно спросил:

— Как выглядел этот посланник? Опиши его.

Похоже, этот посланник Павильона Ушоу был противоречивой личностью: с одной стороны, вёл дела павильона, а с другой — открыто разоблачал заказчиков. Непонятно, что им двигало.

Нью Лэй:

— Как он выглядел... — Он уставился в пустоту, его взгляд медленно блуждал, но в конце концов остановился на одном месте.

Он с трудом поднял почти онемевшую руку и указал на человека во дворе.

А Цзю:

— ...

Тан Шаотан:

— ?

Фань Сяо:

— !

Фань Сяо, следуя указанию Нью Лэя, тоже указал на себя и закричал:

— Ты с ума сошёл! На что ты указываешь? Я тебя никогда не видел!

Нью Лэй молча посмотрел на А Цзю, словно ждал его слов.

А Цзю даже не взглянул на Фань Сяо, приоткрыл рот, чтобы задать вопрос, но тут взгляд Нью Лэя потух, и его слабое дыхание остановилось.

Он испустил дух.

Яд, который был остановлен в его теле, наконец прорвался через акупунктурные точки, собрался в одном месте и оставил на его лбу чёрную точку, подобную кляксе.

Слухи о том, что Павильон Ушоу убивает без следа с помощью Чёрной метки, оказались правдой, но в данном случае смерть наступила с задержкой.

Нью Лэй, помогавший Павильону Ушоу собирать деньги и покупать жизни, повидавший множество смертей, теперь сам пал от их Чёрной метки, что можно было считать заслуженной карой. Лишь несчастный Фань Сяо, указанный Нью Лэем перед смертью, оказался в положении, когда мёртвые сраму не имут, и оправдаться невозможно.

Фань Сяо кричал:

— Это не я! Что он имел в виду?!

А Цзю медленно поднялся и, молча, начал приближаться к Фань Сяо.

Фань Сяо, видя, что А Цзю приближается, отступал и, размахивая руками, кричал:

— Правда не я, я не делал!

Он отступил к стене, и, когда А Цзю протянул к нему руку, он непроизвольно втянул шею, но на его лице была видна упрямая решимость не сдаваться. Он не смел моргнуть, не то что сопротивляться.

Фань Сяо:

— ?

Лоб его коснулся шуточный щелчок. Рука А Цзю, на мгновение заслонившая солнце, уже была

убрана.

Фань Сяо, получив щелчок, остался невредимым.

Фань Сяо:

— ???

А Цзю вздохнул:

— Я не сказал, что это ты. Чего паникуешь? Думаю, он имел в виду... кхм. В любом случае, его уже нет, а его отец сейчас не в состоянии отвечать на вопросы.

Старик Нью уже закатил глаза и, сохраняя стоячую позу, потерял сознание. Вряд ли он очнётся в ближайшие несколько часов. Если хотелось получить от него информацию гуманно, приходилось ждать.

А Цзю кивнул в сторону старика и скомандовал Фань Сяо:

— Иди-иди, сначала обустрой место, где можно остановиться. Я устал и голоден.

Он подозвал Тан Шаотана, поманив пальцем:

— Подойди сюда.

Тан Шаотан:

— ...

Фань Сяо покосился на А Цзю, затем на безмолвного Тан Шаотана и, взвалив на себя старика Нью, пробормотал: «Как ты вообще всех заставляешь работать? Я и то молодой господин, а не такой любитель покомандовать, как ты».

Семья Фань изначально не была богатой, но благодаря тому, что глава семьи, Фань Цзэчэн, в молодости завёл множество полезных знакомств, а в зрелом возрасте научился искусству наживать состояние у некоего мастера, за несколько десятилетий семья накопила внушительное богатство, достигнув нынешнего процветания. Два сына Фань Цзэчэна с детства жили в роскоши, не зная нужды.

До отъезда из дома Фань Сяо был избалованным молодым господином, вокруг которого суежилась вся челядь. И всё же он инстинктивно чувствовал, что Тан Шаотан не из тех, кого можно легко заставить.

От него исходила незнакомая Фань Сяо аура, которую трудно было описать. Возможно, она была похожа на случайно встреченное зимой озеро: при первом взгляде восхищаешься хрустальным блеском льда, но приглядевшись, поражаешься переплетению лучей, слоям инея, естественным и прекраснее искусственных узоров, — и невольно возникала илзия, что к нему легко приблизиться.

Но илзия оставалась илзией. Иней прекрасен, но холоден. Если, увлечённый красотой, наступить на него, провалишься и утонешь в пронизывающем, леденящем холоде.

Фань Сяо почему-то почувствовал, что, хотя Тан Шаотан выглядел спокойным и безразличным, стоило появиться поводу или прозвучать чьему-то слову — и он проявит свою грань, острую и

безжалостную, безо всяких объяснений. Подобно тому Вопрошающему об именах в прошлом, который мог безучастно сокрушить толпы бросавших ему вызов, не оставляя ни милости, ни лица, не спрашивая причин и не заботясь о последствиях.

Его уход, исполненный небрежной элегантности, стал темой для пересудов в устах простого народа, но для некоторых в мире рек и озёр он обратился в кошмар, врезавшийся в память. Никто не хотел отпускать его с миром, но никто и не смел преградить путь, да и не мог.

Прежде Фань Сяо считал себя одним из зрителей, болтающих за чаем, и часто смеялся над этими историями. Но теперь, вдумавшись, он всё яснее ощущал странность. Неся старика Нью, он украдкой оглянулся на Тан Шаотана, решив, что надо найти подходящий момент и выяснить, почему тот самый Вопрошающий об именах интересовался ими с братом.

А Цзю:

— ...

А Цзю, сохраняя спокойствие, проводил взглядом Фань Сяо, который, оглядываясь через каждые три шага, медленно и неохотно затащил старика Нью в дом, и лишь тогда повернулся к стоявшему рядом:

— Ты с самого начала на меня смотришь. Неужто и ты думаешь, что я подозреваю этого мальчишку?

Тан Шаотан подумал и, не высказывая своих сомнений напрямую, лишь покачал головой, следуя подсказке А Цзю, и одним предложением расставил всё по местам.

— Ты подозреваешь Фань Мина.

Подозреваешь его, но не смог сказать об этом при Фань Сяо.

А Цзю удивлённо приподнял бровь и с улыбкой подхватил:

— Великие умы думают одинаково. Думаю, если маленький каменотёс не врал, то посланник, которого он видел, на восемь частей из десяти был похож на Фань Сяо, и самый вероятный кандидат — пропавший Фань Мин.

Тан Шаотан кивнул, соглашаясь с догадкой А Цзю.

А Цзю с весёлой ухмылкой похвалил:

— А ты, оказывается, молчаливый да умный.

Очень умный... Это не очень-то удобно.

Ведь я здесь для того, чтобы тебя обмануть.

Тан Шаотан:

— ...

Он сомнительно приоткрыл свои ясные, прозрачные глаза, слегка опустил ресницы, избегая взгляда А Цзю, и, опустив голову, снова покачал ею:

— Her.

<http://bllate.org/book/16258/1462576>